

УДК 130.2
ББК 71.0

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11109

Чтение в феноменах культуры

В. А. Жилина¹, Е. А. Жилина²

¹ *Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

В статье анализируется чтение в срезях культурологического и философского анализа. В качестве теоретической основы исследования чтения систематизированы его основные функции. В рамках исторического анализа структурирована логика развития чтения в разные культурные эпохи. Предпринята попытка демаркирования чтения в феноменах культуры. Особое внимание уделено современным особенностям чтения. Доказательно раскрыты причины трансформации чтения вследствие перемен в культуре повседневности. Показано, что изменения в данном феномене носят не только формальный, но и содержательный характер. В силу сущностных характеристик чтения выявлены зависимости состояния чтения от текста. Методологической базой исследования смысловой составляющей чтения выбран герменевтический метод. В этом аспекте прослежена взаимосвязь чтения и языка как двух самостоятельных феноменов культуры. Убедительно показана роль игры в трансформациях свойств чтения.

Ключевые слова: чтение, человек, язык, культура, текст, литература.

В системной организации культуры существуют некие элементы-призраки, которые находятся в неопределённом статусе: с одной стороны, они — неотъемлемые характеристики механизма развития культуры, а, с другой, — в них есть претензия на автономность культурного феномена. Таковым элементом, например, является язык, который в функционировании даже создает особую оболочку культуры — лингвистическую, а в «статическом» состоянии есть достояние культурного богатства. В своем самостоятельном развитии такие элементы продуцируют из себя некие промежуточные самостоятельные фрагменты культуры. В частности, язык в обратной связи со своим создателем настоятельно «требует» навыка обращения с ним, и на определенной стадии его развития начинает формироваться такой феномен культуры как чтение, который, в свою очередь, получая некоторую автономность, способен формировать у собственного носителя представление о своей сущности. Так складывается стереотип рассмотрения чтения исключительно в качестве навыка, некоторого вспомогательного сегмента в функционировании культурного поля. В процессах усложнения самой культуры, ускорения течения социального времени навык склонен к алгоритмизации, а суть чтения начинает толковаться в механистической традиции. Любой алгоритм всегда имеет достаточно ограниченный временной лимит существования, так как условия практики постоянно изменчивы [9]. Следовательно, в этой логике рассуждений неизбежна тенденция, приво-

дящая к выводу об анахронизме и отмирании чтения как навыка субъекта. Ситуация усложняется тем, что чтение, одной из своих сторон относится к области манипулирования информационными потоками, которая имеет внутреннюю, собственную логику развития, связанную с расширением путей и возможностей передачи информации [8]. В частности, в настоящее время в связи с агрессивным доминированием визуального потребления культурного содержания и, соответственно, со снижением значимости вербальных форм, чтение видимо становится аутсайдером в процессах инкультурации.

Чтение, безусловно, неразрывно связано с деятельностью человека, но уже в своих истоках оно переходит границы простого потребления культуры. Формируется данный феномен в области способов познания мира. Но одновременно уже на этом когнитивном уровне чтение рефлексивно: это способ обращенности к себе, способ самопознания. Далее эти две ключевые позиции находятся в симбиотическом единстве, но в зависимости от сегмента социально-культурных задач той или иной эпохи наблюдается доминанта одной из сторон. К когнитивным характеристикам с самого начала добавляется аксиологическая составляющая, в которой долгое время преобладает моральная сторона. В целостности всех характеристик складывается общая тенденция — чтение неразрывно связано с духовным развитием человека. Но уже в таком понимании чтение не тождественно ни зеркальному отражению содержания культуры, ни

алгоритму поведенческих функций. Так, древнейшие восточные цивилизации определяют чтение, в первую очередь, как элемент религиозный, сакральный, но сакральность далека от религиозной. В западной цивилизации сакральность, напротив, полностью связана с Богом: большинство книг средневековья связаны с богослужением и богословием. Но даже «служители Церкви» в чтении ищут не столько ключевые религиозные идеи, сколько смысл. В эпоху Возрождения меняется ценностная парадигма общества: культ Человека теснит культ Бога. Видимо чтение должно быть ориентировано на личностном совершенствовании, а на деле результатом приобщения к культуре посредством чтения происходит развитие лишь индивидуальности. Но ценность индивидуальности вне ценности личности будет деструктивна. Результат: в социальной практике наблюдаемы деструктивные тенденции в виде отсутствия ответственности, в культуре, в частности, в литературе вновь заметно увлечение мифологизацией сюжетов, а в отношении самого чтения начинает формироваться стереотип о праздности времяпрепровождения. Одновременно чтение — это область воспитания, но воспитание понимается как формирование обществом, и в эпоху культа Разума при расширении ассортимента книг по самым разным тематикам чтение оказывается не способным продуцировать некоторого сверхчеловека. Более того, в навыках личность эпохи Возрождения уступает личности эпохи Просвещения. Социальный субъект, то есть личность как носитель общественных отношений, эпохи Просвещения несколько шаблонен. Более того, по сравнению с Сократовским стремлением избавить человека от невежества сама образованность — это, скорей, простое количественное увеличение сферы усвоенных знаний. Это погружает чтение в культуру повседневности, что происходит в XIX веке. Но любой культурный феномен автономен, прежде всего, на уровне сущности, а не явления. Чтение по своему внутреннему содержанию не сводимо к навыкам простого воспроизводства информации, и в силу этой своей особенности всегда способно разрушать стереотипность собственного понимания. В частности, именно XIX век и провоцирует определенный «бунт» со стороны чтения, когда именно его измененный статус разделяет с начала читательскую культуру на элитарную и массовую, а потом устойчиво делит всю культуру на эти две составные части. И культура это принимает. Более того, культурное поле не замечает изначального противоречия, что массовидность, массовость распространения присуща любым формам и типам культурных феноменов, по одной простой

причине: культура — это всегда типизация, где общее будет стремиться агрессивно подчинить единичное. Навык, даже если его природа максимально универсальна не способен оказывать детерминационное влияние на развитие культуры. Навык всегда будет находиться на уровне явления, а не сущности. Следовательно, в этой исторической логике чтение демонстрирует некую причастность социальному бытию и несводимость к области навыка.

Исследование исторической логики развития культуры еще более убеждает в справедливости этого тезиса. Произошедшее деление на «массовую» и «элитарную» в обратном влиянии на статус процедуры чтения видимо лишает концепцию прагматичности и функциональности в понимании его сути и парадоксально разворачивает чтение в область эстетического. И это эстетическое в начале XX века не столько направлено на поиск абсолютного стандарта Красоты, сколько ищет человека в самой Красоте. Свидетельством этому служит, например, кризис форм искусства этого времени. При этом именно данный кризис рождает целое поле инновационных форм, что укрепляет позиции искусства в культуре. Показательно, что кардинально меняется семантическое поле чтения: в направленности к самопознанию, например, теперь господствует неопределенность. В чтении сквозит потерянности. Реальность становится непредсказуемой, а чтение берет на себя сугубо социальные функции создания зоны комфорта. Но эта зона комфорта изначально дистанционна по отношению к читателю. Это доказывает, что чтение не только шире навыка в когнитивной сфере, не только выводит человека за пределы самого себя в сфере аксиологической, но и наподобие абсурдности находится «между». Чтение находится в тех разломах, просветах бытия, которые и позволяют уйти от экзистенции, от простого существования. Следовательно, изменения отношения к чтению, продиктованные потребностями той или иной эпохи, неизбежно приводят к трансформации читателя. Но и наоборот: изменения человека в системе общественных отношений качественно меняют сущность самого чтения. Отсюда любые инновации, внедренные в общество, становятся катализатором, вызывающим трансформацию всех элементов культуры.

XXI век качественно меняет всю культуру повседневности, прежде всего, во временных параметрах: само поле такого типа культуры расширяется, а феномены внутри нее видимо сокращают временной интервал собственного существования. Помимо этого, поликультурность глобализации детерминирует их мультифункциональность.

Внутренними причинами трансформации чтения как самостоятельного феномена становятся следующие процессы. Во-первых, это заметное увеличение объема информационного потока из-за развития средств массовых коммуникаций. Ежедневно человек получает огромное количество новых сведений и сообщений, требующих осмысления и понимания. Во-вторых, легкодоступность информации. Читателю необходим минимум усилий, чтобы отыскать нужный материал. Интернет и иные технологии предоставляют возможность значительно сэкономить время, которое раньше приходилось тратить на поиски интересующих сведений. В-третьих, добавление в чтение визуальности и интерактивности. Неизбежность этой черты была продиктована популяризацией мидиа технологий. С их развитием процесс усвоения информации стал более многогранным, а подача материала потребовала более эффективного формата. Как следствие бумажные носители постепенно уступают место электронным.

Гуманитарные науки склонны видеть в этих процессах исключительно изменение формальной стороны. С точки зрения философского анализа следует отметить, что изменения гораздо более существенней и затрагивают не только содержание самого чтения, но и напрямую детерминируют трансформации носителя общественных отношений. В частности, кардинально меняется взаимодействие человека с текстом. Благодаря формированию новых навыков читателя происходит видимое отрицание отрицания — возврат к прагматике. Но это качественно иной уровень, позволяющей школе постструктурализма заключить: «Нет ничего вне текста»: это означает, что текст — не просто речевой акт. Допустим, этот стол для меня — текст. То, как я воспринимаю этот стол — долингвистическое восприятие, — тоже само по себе для меня текст» [4, с. 74]. Гипертекст — это своеобразный симбиоз сознания и средств коммуникации. Сам дискурс становится не только фрагментарным, он множествен, в нем слиты слово, звук и видео [5]. Отсюда сомнителен тезис об утрате интереса современного человека к чтению, об отказе от этого навыка. Напротив, чтение укрепляет собственные позиции и в процессах инкультурации как средство социализации, и в культуре как грань ее механизмов. Измененный в основаниях текст укрепляет автономность исследуемого феномена., так как она питается смежными процессами, прежде всего коммуникационными потоками. Но как всякий поток, данный процесс начинает «тащить» за собой человека. Утрачен не интерес к чтению или потерян соответствующий навык. Изменена процедура

выбора в отношении взаимодействия с данным феноменом. Экзистенциальная заброшенность в мир теперь конкретизируется заброшенностью в мир чтения. Человеку не на что опереться, включая собственное сознание, которое срастается с внешними силами — с коммуникациями. Отсюда трансформируются механизмы выработки собственного самосознания. В частности, вера обретает единственную форму — догматическую. А так как гипертекст вбирает в себя возможности и текста, и чтения он сам способен «играть»: он экспериментирует с искусственной реальностью [6]. В объекте чтения появляется «сетература». А само чтение начинает иначе демаркироваться: в нем отсутствует как начало, так и конец. Это накладывается на предполагаемую множественность интерпретаций заданного текста. Видимо данные процессы должны укреплять позиции чтения, например, в процессах достижения читателем смысла. На практике наблюдаемо противоположное: читатель не умеет оперировать со смыслами, последнее превращается в простой алгоритмизированный выбор неких готовых решений. Причина этого вовсе не субъективна, к чему часто приходят исследования в области науки. Причина сугубо объективна: это последствия нарушений первоначальной процедуры выбора читателя. Новая форма заброшенности формирует новые виды отчуждения. Постмодернистская «смерть» автора во многом спровоцирована именно трансформациями феномена чтения. В силу обозначенных причин следует констатировать общую тенденцию таких изменений: чтение становится мозаичным. Изменено его основание: восприятие читателя изначально утрачивает целостность.

Но чтение не может полностью утратить прежнюю суть. И в нынешних условиях актуально декартовское: «чтение хороших книг — это разговор с самыми лучшими людьми прошедших времен, и притом такой разговор, когда они общаются нам только лучшие свои мысли» [3, с. 45]. Чтение значимо в культуре, прежде всего полидиалогичностью. Последнее убедительно свидетельствует о погружении проблем чтения в более широкую предметную область исследований — в область универсальности языка. Можно утверждать, что чтение — это событие языка. Современное развитие феномена чтения свидетельствует о том, что традиционная диалогичность становится частью поля живого движения языка. Это детерминирует теоретическую потребность анализа чтения в характеристиках языка. Так как чтение синкретично связано с процедурой понимания, то наиболее эффективен такой анализ в области герменевтического среза языка. Наиболее

общими характеристиками языка как самостоятельной части культуры тогда выступают: самозабвенность, интенциональность, всеобщность и игровой характер. Очевидно, что современное исследование процедуры чтения должно учитывать данные особенности функционирования языка. Они во многом определяют содержание чтения как самостоятельного феномена культуры.

Логично, что при трансформациях культуры повседневности в целом меняется и чтение как форма реализации языка. Чтение, письмо, слушание и непосредственная форма их реализации — литература сегодня трудно демаркируются друг от друга [2]. Литература уже не может рассматриваться в качестве сферы, где язык не репрезентирует ничего, кроме самого себя. Добавление визуального ряда, например, через буктрейлеры меняет функции слова как знака. В результате чтение несводимо к игре «внутренних» переживаний человека. Именно в силу этого чтение не может позиционироваться в статусе личного эстетического наслаждения, чисто субъективного переживания, под которым нет ничего объективного. Но при этом меняется и объективное основание — объективация смысла содержания литературного произведения уступает место коммуникации. Процессуальность вытесняет результативность. Литература начинает играть словами, спонтанно смещает смыслы, в чтении размывается оригинальность текста. Многие исследователи в этих процессах видят подтверждение тезиса Гадамера об универсальности игры как способа снятия абсолютной субъективности и механизма объективации опыта [1]. Тогда самостоятельность феномена чтения видится в определенном отчуждении от субъекта. Субъект играет с текстом и в тексте,

а текст становится равноправным участником игры. В определенном смысле текст становится непредсказуемым, так как жесткой привязки к некоторому определенному смыслу нет. Отсюда потенциальный читатель движим исключительно интересом к предстоящей игре в чтении. Сложность ситуации в том, что и правила игры отсутствуют, так как изначально они, как бы, заложены в субъекте. Другая сложность обнаруживается в анализе искусства герменевтической школой. Литературный текст всегда имеет двойственную интенциональность: он содержит в себе «свернутую» игру и одновременно направлен на читателя, то есть на того, кто вступит с ним в игру. Чтение процессуально в отношении текста. Отсюда отчуждение субъекта, наблюдаемое сегодня, также интенционально. Складывается очень противоречивая картина: чтение в развитии культуры утрачивает свои позиции, так как видимо находится вне интереса потенциального читателя и одновременно читатель не может быть без чтения. В результате место чтения занимает процедура потребления информации, в которую человек втягивается через мессенджеры, социальные сети и т. д. Но это не означает, что традиционно понимаемое чтение сегодня становится анахронизмом. Напротив, проведенный анализ убеждает в том, что чтение следует позиционировать в ряду процессов социального бытия. Как самостоятельный феномен культуры в данный момент времени переживает некий переходный период развития, когда меняются и его содержание, и формы. Но в любых трансформациях суть чтения как механизма вхождения субъекта в культурное поле остается постоянной. «Чем меньше вы будете читать, тем тщательнее следует выбирать книги» [7, с. 13]

Список литературы

1. Борисов, Е. В. Игра как герменевтическая модель / Е. В. Борисов // Мысль (журнал петербургского философского общества). — 2012. — № 13. — С. 37—44.
2. Гадамер, Х.-Г. Деконструкция и герменевтика / Х.-Г. Гадамер // Герменевтика и деконструкция. — СПб. : Б.С.К., 1999. — С. 243—254.
3. Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. — М. : Мысль, 1989. — 654 с.
4. Интервью с Жаком Деррида // Arbor Mundi = Мировое дерево. — 1992. — Вып. 1.
5. Колесникова, М. М. Гипертекст как основа сетевой коммуникации / М. М. Колесникова // Текст: теория и методика в контексте вузовского образования : науч. тр. I Всерос. конф. «Текст: теория и методика в контексте вузовского образования» (Тольятти, 14—16 октября 2003 г.). — Тольятти, 2003.
6. Пономаренко, И. Н. Постмодернизм и гипертекст / И. Н. Пономаренко. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-i-giperte> (дата обращения 13 10 2021).
7. Руссо, Ж. Ж. Юлия, или Новая Элоиза / Ж. Ж. Руссо. — М. : Художественная литература 1968. — 776 с.
8. Main risks of civic self-identification of the subject in modern Russian society / V.A. Zhilina, N.V. Kuznetsova, M.P. Akhmetzyanova // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS.

Conference: SCTCGM 2018 — Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. — 2019. — P. 1897—1905.

9. Zhilina, V. Transformation of human capital phenomenon: making of new research paradigm / V. Zhilina, N. Kuznetsova, E. Zhilina // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the Ecological-Socio-Economic Systems: Models of Competition and Cooperation (ESES 2019)*. — 2020. — P. 74—78.

Сведения об авторах

Жилина Вера Анатольевна — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия. *vera-zhilina@yandex.ru*

Жилина Елизавета Алексеевна — магистрант кафедры русской философии и культуры, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. *jilina.elizaveta@yandex.ru*

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 11 (457).

Philosophy Sciences. Iss. 62. Pp. 66—71.

Reading in cultural phenomena

Zhilina V.A.

Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosova, Magnitogorsk, Russia.

vera-zhilina@yandex.ru

Zhilina E.A.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. jilina.elizaveta@yandex.ru

The article analyzes reading in terms of cultural and philosophical analysis. As a theoretical basis for the study of reading, its main functions are systematized. Within the framework of historical analysis, the logic of the development of reading in different cultural epochs is structured. An attempt has been made to demakrize reading in cultural phenomena. Special attention is paid to modern features of reading. The reasons for the transformation of reading due to changes in the culture of everyday life are evidently revealed. It is shown that the changes in this phenomenon are not only formal, but also meaningful. Due to the essential characteristics of reading, the dependencies of the reading state on the text are revealed. The hermeneutic method was chosen as the methodological basis for the study of the semantic component of reading. In this aspect, the interrelation of reading and language as two independent cultural phenomena is traced. The role of the game in the transformations of reading properties is convincingly shown.

Keywords: *reading, person, language, culture, text, literature.*

References

1. Borisov E.V. Igra kak germeneyticheskaya model' [Game as a hermeneutic model]. *Mysl' (zhurnal peterburgskogo filosofskogo obshhestva)* [Thought (journal of the St. Petersburg philosophical society)], 2012, no. 13, pp. 37—44. (In Russ.).
2. Gadamer H.-G. Dekonstruksiya i germeneytika [Deconstruction and hermeneutics]. *Germeneytika i dekonstruksiya* [Hermeneutics and Deconstruction]. St. Petersburg, B.S.K., 1999. Pp. 243—254. (In Russ.).
3. Dekart R. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1 Moscow, Mysl', 1989. 654 p. (In Russ.). (In Russ.).
4. Interv'yu s Zhakom Derrida [Interview with Jacques Derrida]. *Arbor Mundi = Mirovoe derevo* [Arbor Mundi = World tree], 1992, iss. 1. (In Russ.).
5. Kolesnikova M.M. Gipertekst kak osnova setevoy kommunikacii [Hypertext as the basis of network communication]. *Tekst: teoriya i metodika v kontekste vuzovskogo obrazovaniya* [Text: theory and methodology in the context of higher education]. Tol'yatti, 2003. (In Russ.).
6. Ponomarenko I.N. Postmodernizm i gipertekst [Postmodernism and hypertext]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-i-giperte>, accessed 13.10.2021. (In Russ.).
7. Russo Zh.Zh. *Yuliya, ili Novaya Eloiza* [Julia, or New Eloise]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura 1968. 776 p. (In Russ.).

8. Zhilina V.A., Kuznetsova N.V., Akhmetzyanova M.P., Teplykh M.S., Zhilina E.A. Main risks of civic self-identification of the subject in modern Russian society. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Conference: SCTCGM 2018 — Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. 2019. Pp. 1897—1905.

9. Zhilina V., Kuznetsova N., Zhilina E. Transformation of human capital phenomenon: making of new research paradigm. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the Ecological-Socio-Economic Systems: Models of Competition and Cooperation (ESES 2019)*. 2020. Pp. 74—78.